

DOI 10.26886/2520-7474.5(43)2020.8

UDC 811.16-112

MISCELLANEA ETYMOLOGICA: SLAVICA. III

A.I. Iliadi, Doctor of Philology

<http://orcid.org/0000-0001-5078-8316>

e-mail: alexandr.iliadi@gmail.com

Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University,
Ukraine, Kropyvnycki

*The paper deals with the etymological interpretation of Slavonic dialectal words, which earlier did not become visible to other researchers or were not satisfactorily explained in special literature. Observation about the structure of mentioned words enables the author to make several conclusions. 1. Some of mentioned Slavic words show archaic features, which reveal Proto-Slavonic age of these lexemes (гѣр҃уль, острѡка, рѡма, чумѡна, ѡведа, ѡвида, ѡпа, яритник). 2. Vocabulary of Low Dnieper dialects retains a few Iranian words (боронѡ, кандѡку). 3. Analysis of several lexemes offers previously unappreciated prospects to uncover ancient isoglosses inside East Slavic areal (укр. *витушка ~ рус. диал. витѡшка; укр. рѡмень ~ рус. диал. рѡмень, рѡменье; укр. шкретѡк ~ рус. диал. шкрѡтка; укр. шкремѡтки ~ рус. диал. шкремѡтка; ошкремѡток ~ рус. диал. оскремѡток). 4. Etymological interpretation of several words may be possibility if appeal to phonetics and word forming peculiarities of argot, jargon, in the depths of which historically attested appearance of these words was formed (бруидѡмка, марѡтка).*

Key words: etymology, word formation, derivative, semantics, Slavic.

доктор филологических наук, Илиади А. И. Miscellanea etymologica: Slavica. III / Центральноукраинский государственный

педагогический университет имени Владимира Винниченко, Украина, Кропивницкий

*В статье предложена этимологическая интерпретация группы славянских диалектных слов, которые ранее либо не попадали в поле зрения исследователей, либо не получили удовлетворительного истолкования в профильной литературе. Наблюдение за структурой указанных лексем позволило автору прийти к нескольким выводам. 1. Некоторые из упомянутых славянских слов обнаруживают архаичные особенности, выдающие в них единицы праславянского возраста (гергуль, острока, ра́ма, чумі́на, я́веда, я́вида, я́па, яритник). 2. Словарь говоров Нижнего Поднепровья удерживает несколько иранских лексем (боро́на, канда́ки). 3. Анализ некоторых лексем открывает ранее недооцененные перспективы для выделения старых изоглосс внутри восточнославянского ареала (укр. *витушка ~ рус. диал. виту́шка; укр. ра́мень ~ рус. диал. ра́мень, ра́менье; укр. шкредо́к ~ рус. диал. шкреді́тка; укр. шкреді́тки ~ рус. диал. шкреді́тка; ошкреді́ток ~ рус. диал. ошкреді́ток). 4. Этимологическое истолкование нескольких лексем оказывается возможным при апелляции к фонетике и словообразовательным особенностям аргос, в недрах которых был сформирован письменно засвидетельствованный облик этих слов (бригиді́мка, марі́тка).*

Ключевые слова: этимология, словообразование, дериват, семантика, славянский.

Вступительные замечания. Этимологической разработке лексики отдельно взятого языка всегда предшествует длительная подготовка по сбору фонового материала – данных нормативных и диалектных словарей, слов, фразеологизмов, извлеченных из фольклорных

источников и памятников письменности. Их предварительная оценка в сумме с уже существующими опытами этимологической, сравнительно-исторической, историко-семасиологической интерпретации лексиконов родственных языков формирует тот фундамент, на котором возводится прочное здание современного этимологического словаря, т. е. справочника, призванного дать ответы на многочисленные вопросы. Основные из них касаются: 1) генезиса слова (исконное или заимствованное); 2) способа словопроизводства (для единиц, образованных по редким, архаичным или ареально ограниченным моделям); 3) этимологической структуры и этимона (для «окаменевших» форм – осколков более древнего грамматического состояния, лексем с затемнённой морфологией, проясняемой именно этимологическим комментарием); 4) путей формирования семантики и характера соотношения между значениями одного слова и группы однокоренных форм; 5) ближайших структурно-генетических аналогов в близкородственных и родственных языках; 6) социолингвистической интерпретации (принадлежности к социолектам, располагающим собственными ресурсами модификации структуры слов и развития их значения); 7) психолингвистической экспертизы лексем определенного структурного класса – идеофонов и ономатопопов (в том числе их производных), чья фонетическая оболочка часто не подчиняется законам звукового оформления слов с «полноценной» семантикой, существуя в вариантах, корреляция между которыми неоднозначна, а подчас и вовсе не очевидна.

Но даже самый подробный из современных этимологических словарей не может дать исчерпывающие ответы на многие вопросы, интересующие пытливого читателя. И не в последнюю очередь это связано с недостаточной разработкой фонетико-словообразовательной стороны толкуемых слов или отсутствием оных

в реестре этимологического словаря. Последняя из причин отражает объективные трудности сбора материала, т. к. масса слов остается вне рамок дефиниций этимологических словарей по причине недоступности авторам многих источников лексики. И, конечно, определяющим является отбор фактажа, т. к. полнота репрезентации лексикона в словарях зависит от целей, поставленных их авторами/составителями: анализ только общеупотребительной литературной лексики или же ориентация на фронтальное толкование вокабулярия, включая диалектные, просторечные, жаргонные и устаревшие, неизвестные в современном языке, слова. Именно они здесь зачастую остаются без необходимой генетической оценки или же вовсе не попадают в словарь. Рассмотрим несколько таких случаев.

Анализ материала.

1. Диал. н.-поднепр. *борона́* 'свадебный пирог, испеченный в доме жениха для отца невесты'. В ЕСУМ слово расценено как этимологически неясное [8 (1, с. 233)]. По форме – явно праславянская лексема **borna*, но среди старой славянской лексики она изолирована, потому до введения в оборот более убедительной трактовки предлагаем считать **borna* аланским заимствованием поздней праславянской эпохи. Инфильтрация более древнего иранского **wārna-* в славянский привела бы к псл. **vorna* с ослаблением иран. *ā* > *a* > слав. *o* в структуре *tort*. Аланский прототип **barn[a]*, принадлежавший семантическому полю правовой лексики, сохранен осетинским словарем, ср. диг. *бæрнæ* 'ответственность', 'попечение' [22, с. 159], ир. *bærn* 'то же' – дериват с суфф. *-n* (= др.-иран. *-na-*) от *bar* 'право', 'власть', 'воля' [1 (1, с. 253)]. Таким образом, алан. **barn[a]* 'ответственность', 'попечение' в восточнославянском локально усвоено как обозначение символической гарантии (ритуального хлеба)

женихом обязательства заботиться о девушке, входящей в его дом, перед её отцом.

2. Диал. н.-поднепр. *бригидумка* 'капризная, привередливая женщина' (из словаря Д. И. Яворницкого, 1920 г.). В ЕСУМ [8 (1, с. 255)] охарактеризовано как «неясное; возможно, связано с [*бригитка*] 'монахиня из ордена бригиток'». Сомнительно как в отношении формы, так и в плане семантики. Смеем предположить, что *бригидумка* – арготизм, пришедший из бурсацкой речи, пестревшей латинизмами, и с одним из них мы имеем дело. В арго бурсаков латинские слова меняли форму и развивали новые значения: так, из лат. *frīgida* 'холодная', 'равнодушная, безжизненная, вялая' могло получиться *бригид-умк-а* 'манерная, равнодушная девушка, женщина', где фонетически измененная основа была наращена арготическим суффиксом-*умк-*, ср. рус. *мост-умк-а* – *мост*, *нов-умн-ый* – *новый* [2, с. 31]. Одним из путей пополнения диалектного вокабулярия было соприкосновение диалектов и социолектов – условных языков, потому слово закономерно задержалось в диалектной среде, выходцы из которой часто и были теми самыми бурсаками (воспитанниками духовного учебного заведения).

3. Диал. косов. *бризла* 'умерла' [5, с. 315]. Судя по перфекту, инфинитив, очевидно, имел форму **бризнути*, идентичную звукоподражательному укр. *бризнути* 'брызгать', 'прерывисто выпускать воздух ртом', 'рассыпать, раскидывать что-н. мелкими частями', 'неожиданно прорываться смехом' и пр. Вопреки семантике это не случай омонимии, а результат переносного употребления *бризнути* в значении 'прерывисто выпускать воздух ртом', стоящий в одном ряду с вульг. *(i)здбхнути* 'умереть', рус. *здбхнуть*, где также выражено понимание смерти как *последнего выдоха*, полнее всего представленное в рус. обороте *испустить дух*.

4. Диал. ю.-зап. *вумутка* ‘свивалка, приспособление для сматывания пряжи в клубки’ (конец XIX в.) в ономастической литературе неудачно использовано как апеллативный аргумент, призванный объяснить рус. антропонимы *Вумутин*, *Имутин* и доказать вероятность псл. действительного презентного причастия **vitota* [23, с. 180]. Толкование *вумутка* как part. act. praes. невозможно как по причине отсутствия каких-либо следов **vit-ti* (> **vis-ti*), необходимого для деривации причастия, так и в связи с неясностью функции *t*-расширения корня глагола **viti* ‘вить’, чье словообразовательное гнездо в славянском развивалось, зная дентальное наращение только как суффикс пассивного причастия **vi-tъ* ‘витой’ или формант *-тъ* в **vi-tъ* (рус., укр. диал. *вуть*, р. п. *-ту*). Скорее, можно говорить о сохранности **vito-tъka* (в первой части – **vi-tъ* ‘витой’, во второй – имя, соотносительное с **tъkati* в значении ‘вязать’, ‘плести’) с диалектным переходом соединительного *o* > *y*. Но более правдоподобно объяснение как некорректной фиксации слова или ошибки печати, и тогда перед нами – лексический фантом, заменивший реальное *вумушка*, в точности отвечающее рус. курск., пск. *вумушка* ‘приспособление для наматывания и разматывания ниток’, ср. «Надень нитки на *вумушку*, скорее смотаешь», 1899 г. [20 (4, с. 302)].

Связь украинского ткацкого термина и русских имен вовсе не очевидна ввиду их этимологической и структурной неоднозначности. К тому же в случае с *Имутин* есть подозрение ошибки в записи *Ишутин*: в [23, с. 180] фамилии взяты из книг памяти, где масса неточностей, т. к. их материал – это часто плохо сохранившиеся документы с едва различимым текстом.

5. Диал. поднестр. *гергуль*, *-ля* ‘большой рак’ [7, с. 41] в ЕСУМ рассматривается внутри дефиниции диал. *гергель* ‘гусь большой

породы', *гэргель* 'то же; человек с длинной шеей'. Здесь оно позиционируется как одно из значений *гэргуль* 'гусь, порода гусей; неуклюжий человек с длинной шеей' с неясной этимологией (допускают, что источник всей группы – тур. *göreklі* 'красивый, заметный' [8 (1, с. 498)]). По нашему мнению, семантика 'большой рак', никак не выводимая из 'гусь', 'человек с длинной шеей', сигнализирует о том, что в словарной статье ошибочно объединены генетические омонимы. Результативность работы с *гэргуль* 'большой рак' определяется одним важным условием: его нужно воспринимать как фонетически продвинутый рефлекс изначального **къркарь* – славянского двойника лат. *cancer* 'рак' < **carcer* < **car-cros*, варьирующего и.-е. **k^[h]ark^[h]ar-* 'твердый', 'шероховатый' [4 (1, с. 221; 2, с. 533)]. Славянский прототип подвергся значительным изменениям: озвончение старого *к* > *г* (черта, свойственная многим говорам, ср. *горгоші* 'плечи' < *коркоші* ~ рус. *за-кóрки*), диссимилиация *р* – *р* > *р* – *л* и дальнейшая перестройка исхода с *-л* по типу славянских производных на *-ул-*. Отметим, что диссимилиация затронула и латинское слово **carcer* > *cancer*. Итак, *гэргуль* < **керкуль* продолжает более старое **керкар* (с реализацией **ъ* > *е* в кластере *търт*) < **кър-карь*. Вероятной причиной, спровоцировавшей указанные звуковые перебои, была конвергенция и совпадение **керкар* с диал. *гэргеліця* 'долгоносик амбарный, *Calandra granaria*', *гургуліця* 'могильный жук' (приведены по: [8 (1, с. 498)]) на основе переноса названия рака на жука и наоборот.

6. Диал. н.-поднепр. *кандáки* 'мелкие жучки, которые летают по степи после захода солнца' (у Д. И. Яворницкого). В ЕСУМ: «Неясное» [8 (3, с. 362)]. Определённо, ориентализм. Морфологически сходно с иранскими названиями жучка, комара, клеща и др. «колющих», впивающихся насекомых с суфф. *-ka-*, ср. **kana-ka-* (> кл. перс. *kana*

‘клещ, клоп’, пшт. *kunáyu* ‘клещ (собачий, овечий)’, **kāna-či-/*kana-či-* (> язг. *kenj* ‘моль’, ‘жучок-вредитель в муке’) и др. [19 (4, с. 208)], но отличается звуком *d* в инлауте. Последнее не является помехой в отождествлении *кандáки* с этой лексической группой: в нём мы имеем вторичное причастие на *-ka-* от основы перфектного пассивного причастия **kan-ta-* к **kan-* ‘рыть’, ‘вырезать’, ‘выцарапывать’, ‘прокалывать’, ср. структурно аналогичное согд. *’γrt’k*, *’γrtk* ‘сияющий, сверкающий, великолепный, блестящий’ *lāyar(tē)?/* (к **gar-* ‘гореть, жечь’) [27, с. 4; 19 (3, с. 164)] < **ā-gar-ta-ka-* наряду с **ā-gāra-ka-* > йд. *āžurγo* [19 (3, с. 164)]. Таким образом, форма **kan-ta-ka-* коррелирует с **kana-ka-*, как **ā-gar-ta-ka-* с **ā-gāra-ka-*. В целом, предлагается видеть среднеиранский (алан.?) энтомологический термин **kandak* (букв. ‘жалящий’) для какого-то жалящего, кусающего насекомого.

Вряд ли связано непосредственно с тюрк. *қанда́ла* (кар. к., кум., каз., ккал., тат., баш.) ‘клоп’, (турк.) ‘слепень, овод’, (турк. диал.) ‘название насекомого’, ‘вошь’, т. к. при общем сегменте *канд-/қанд-* они имеют различный исход. Более того, тюркологи допускают иранский источник *қанда́ла*, сравнивая его с осет. *хъæндил* ‘жук’, дарг. *къанда* ‘клоп’ ([26, с. 253–254]: с параллельной версией о заимствовании монг. основы **қалта* ‘плоский’ > **қамта* > **қанта*). Ср. ещё пам. ш. *γandāl* ‘паук’, пам. в. *γəndāl* ‘скорпион’ ([1 (2, с. 291)]: при сравнении с тюрк. *qandala* ‘клоп’ и морд. *keńd’al* ‘то же’).

7. Диал. буков. *колан* ‘хлопковый поясок’ [5, с. 348]. В ЕСУМ [8 (2, с. 507)] дано *только* поднепр. *колáн* ‘шерстяная и хлопковая повязка в виде широкой ленты’ как возможное заимствование из речи сербских переселенцев, ср. серб., хорв. *кóлан* ‘женский (пестротканый) поясок’. Стало быть, буковинский пример расширяет ареал заимствования и показывает иной путь его инфильтрации в украинский диалектный словарь.

8. Диал. ив.-франк. (надворн.) *кочільце* 'кольцо', 'сережка' [5, с. 251]. Несмотря на формальную идентичность укр. диал. закарп. *кочільця* 'деревянные блочки в ткацком станке' (ср. ещё н.-поднепр. *кáčильці* 'блок в ткацком станке'), приводимому в ряду дериватов от *котіти*, *катати* 'катать, катить' [8 (3, с. 59)], никак с ним не связано. Этот омоним представляет диал. вариант с метатезой к изначальному **кольчеце*, **кільчеце* – местному образованию с суффикса -ьс- от *кольце*, *кільце* 'кольцо' (→ 'сережка в виде кольца').

9. Диал. бойк. *манаріна* 'топор' (судя по приведенному контексту, использовался для обрубывания сучьев) [14 (1, с. 429)]. В ЕСУМ обозначено как «неясное» [8 (3, с. 377)]. Мы бы истолковали как славянское освоение восточнороманского **mâner-ină*, производного от технического термина вроде рум. *mâner* 'ручка, рукоятка' (по примеру *орас* 'уключина' ~ *орасинă* 'весло'; *подоа* 'пол', 'половица' ~ *родинă* 'пол', 'потолок'). Топор с длинным или особой формы топорщиком (рукоятью)? Оформление исхода *-ина* как *-іна* вместо ожидаемого *-іна* изредка встречается в заимствованной лексике бойковского диалекта, ср. *цапіна*, *сапіна* 'инструмент для передвижения бревен при лесосплаве' ~ нем. диал. *Zappin* [14 (2, с. 349)].

10. Диал. зап. *маратка* зоол. 'кальмар, *Loligo*' квалифицировано как «неясное» [8 (3, с. 390)]. В силу экзотичности этого головоногого моллюска для Галичины, где его название отмечается с конца XIX в., остается предполагать заимствование, пришедшее вместе с импортным товаром. Важно знать, каким путем, из какой среды (диалектного речевого обихода или городского жаргона) оно проникло в местный лексикон. Лексема *маратка* известна только по словарю Е. И. Желеховского [10, с. 427], куда она попала, определенно, не из народной речи, т. к. кальмар как дорогой деликатес едва ли мог появиться на столах крестьянских и рабочих семей. Зато зажиточные

мещане вполне могли познакомиться с ним как объектом кулинарии, и в их употреблении греческое заимствование *καλαμαράκια* ‘кальмары’ было способно превратиться в жаргонизм *марáтка*. Обратим внимание, что источником *марáтка* была именно плюральная (не *sing.* *καλαμάρι* ‘кальмар’!) форма греческого слова, исход которой *-άκια* был переосмыслен как *-áтка*. Сокращение начальных слогов – явление, которое часто сопровождает деривацию гипокористиков в жаргонах и арго, ср. львов. разг. *зáчиту* ‘неожиданно или намеренно перебивать кого-то вопросом’ < идиш *iberhaken* ‘перебивать (рассказ)’ [6, с. 355].

11. Диал. ив.-франк. (надворн.) *острока* ‘дырка (в ухе)’ [5, с. 251]. Возможно, старое **оть-stroka*. В ЕСУМ [8 (4, с. 229)]: зап. *острóки* ‘дыры в постолах для волок; лоскуты из туфель; растрепанные волокна, клочки’ – произв. от **stroka* ‘стежок, полоска’, которое сохраняется в *строкáтий*, уменьш. *стрíчка*. И далее – к диал. *стрóка* ‘ряд (?)’, рус. *строкá* и пр. [8 (5, с. 448)]. Вывод о родстве *острока* с этой группой слов можно сформулировать точнее, предположив его праславянский возраст и связав его непосредственно с псл. **stroka* ‘укол’, ср. др.-рус. *stroka* ‘нарезка’, ‘точка’ [21 (3, с. 556)], пол. ст. *stroka* ‘точка’. В итоге **оть-stroka* – *пробой, прокол*, а в терминологическом значении – дырка, через которую протягивалась лента, стежок, полоска ткани (в крестьянской обуви), часть шва на одежде.

12. Диал. *ра́ма* ‘зарубка’, закарп. ‘морщина’, зап. *рамак* ‘скалка с зарубками для «катания» мокрого белья’, *ра́мик* ‘зарубка’ и др. в ЕСУМ [8 (5, с. 21–22)] даны как неясные, тогда как в специальной литературе укр. *ра́ма, ра́мик* ‘зарубка’ ранее были генетически сориентированы на гнездо и.-е. основы **erə-/*orə-* ‘рвать, царапать’, ‘разделить, распарывать’. Для них уверенно восстанавливается псл. прототип

**orma* < и.-е. **órH-mā* [12, с. 85]. К развитию группофонемы *ort* > *rat* в украинском ср. **orkyta* > *rakyma* наряду с *rokyma*.

13. Диал. *рамень* 'густой ельник'. В ЕСУМ: «неясное» [8 (5, с. 22)]. Лексема не изолирована в славянском словаре, в частности, её нельзя отрывать от севернорус. диал. *рамень*, *раменье* 'лес, соседний с полями, пашней', костр., ряз. *рамень*, *раменье* 'смешанный лес (чернолесье, ель, пихта, липа, береза, осина)', *раменье* 'граница', 'край', 'край, опушка леса', 'полоса пашни на границе с лесом', 'лес', (говоры центральной полосы XV в., Белозерья XVI в., северо-восточные и восточные районы Московского государства XVII в.) *раменье* 'лес', 'участок хвойного леса', 'пашня/подсека, заросшая лесом', восходящих к псл. диал. **ormy*, *-*мене* 'граница' = 'поле или лес' ~ и.-е. **erə-/orə*- 'рвать, царапать', 'разделить, распарывать' ([12, с. 77–86]: укр. аналог тут отсутствует). К сожалению, составители ЕСУМ не дают привязки укр. *рамень* к определенной группе говоров, но это не мешает поставить вопрос о соотношении ареалов укр. и рус. слов как первоначального ареала и территории иррадиации, допустив, что *рамень* было перенесено в Россию (и далее – на Урал) волнами переселенцев в эпоху её колонизации.

14. Диал. ив.-франк. (надвorn.) *той* 'знахарь' [5, с. 232] стоит в одном ряду с бойк. *той* (местоим.) 'этот, тот' и (сущ.) 'бес', 'черт' [14 (2, с. 294)]. Местоимение, по причине табу используемое как обозначение нечистой силы (в том числе и знахаря-колдуна), чтобы не называть её своим именем. В кругу мифологической лексики карпатского ареала заменяет собой обороты с *він* (dat. *му*), *тот*, *сам* = *чорт*, ср.: «*він – цураха му*», «*він, ерщенький, [...]*», «*він, сам, коби здороў прийшоў до мене*», «*тот, шо у скалі*», «*тот – скаменів би*», «*тот – шо у трісках*», «*тот з ріжками*», «*тот – шо не вільно згадувати*», «*пек*

му» [15, с. 64], ср. ещё поднепр. «*той, що греблі рве*» с той же семантикой.

15. Диал. старосамб., турч. *хабинище* ‘пададь’, ‘дерьмо’ [5, с. 211]. В ЕСУМ [8 (6, с. 146)] представлены только диал. зап. *хабу́на*, *хабиню́ка* ‘прут лозы, розга’, *хабну́к* ‘низкий кустарник’ наряду с аналогами слвц. *chabina* ‘прут, розга’, чеш. диал. *chabina* ‘то же’, слвн. диал. *habína* ‘толстая розга’, производимые от псл. **хавъ* ‘плохой’, **xabati* ‘портить’. Между тем, этот семантический диалектизм точнее передает и лучше сохраняет семантику ‘плохой’, ‘испорченный’, ‘негодное’, ‘гадкое’, ожидаемую в производном слове.

16. Диал. черниг. *чуму́на*, -и ‘ручей в неглубокой балке, заросшей травой’ (?), 1973 г. (Репкинский р-н Черниговской обл.) [16]. Сюда же, видимо, *Чумина* – река, л. Цыбульника п. Днепра [11, с. 179]. След псл. диал. **čum-ina*, однокоренного с **čуть*, ср. словин. *čut* ‘желоб’ [25 (4, с. 133)].

17. Диал. *шкремітки* (мн. ч.) ‘мелкие обрезки и обломки меди; медные и вообще металлические отходы’. Составители ЕСУМ ограничиваются лаконичным толкованием «образование, родственное [к*рémсáти*], к*рím*» [8 (6, с. 435)], чего, на наш взгляд, недостаточно как ввиду проигнорированного более широкого семантического спектра слова *внутри* украинского диалектного ареала, так и с учетом значения близких форм за его пределами. Дефиниция карп. *шкремітки* должна включать гуц. *шкреміткі* ‘остатки латуни от производства инкрустированных выпуклых пуговичек, «бобриков», «копытцев» для усыпания крестов и т. д. и от спиливания шероховатостей’ [24, с. 285], (произв.) закарп. *ошкремётюк* ‘маленький ребенок (уничжительное)’ [9, с. 106], а также рус. диал. псков., твер. *шкремётка* ‘черепок’, *о-скреметка* ‘то же’, новг. *оскремётюк* ‘щепка’, *оскремётки* ‘куски льдин’, возводимые к псл. *(s)*krem-et-ъка*

(подробнее см.: [17, с. 22; 18, с. 288–289]). Древняя восточнославянская изоглосса.

18. Диал. ю.-зап. *шкретóк* ‘участок поля, оторванный от большого комплекса’ в ЕСУМ [8 (6, с. 435)] признается неясным и сравнивается с рус. диал. *шкрúтка* ‘отбитый черепочек, иверень, оскреток’. «Неясность» русского слова, которое у М. Р. Фасмера снабжено пометой «темное» (деталь, упоминаемая в ЕСУМ), давно преодолена в специальном исследовании И. П. Петлевой, посвященном рус. *шкрúтка*, где достоверно установлен его славянский генезис и весьма древний возраст: псл. **(s)kritъka* – дериват от страдательного причастия к глаголу **(s)kriti* ‘резать, бить’ [18, с. 288–289]. Ей осталось неизвестным укр. слово, но праславянская этимология в равной мере верна для *шкретóк*, и обе лексемы воспроизводят варианты прототипы **(s)krit-ъka* : **(s)krit-ъкъ*. Топографическая семантика ‘участок поля, оторванный от большого комплекса’ = ‘земляной надел’ без труда объясняется из **(s)kriti* ‘резать, бить’ аналогично укр. *-діляти* > *ділянка* ‘выделенный участок земли’, рус. *на-делить* > *надел* ‘участок земли’. Еще одна реликтовая русско-украинская изолекса.

19. Диал. *шкрум* ‘нагар в дымаре’, ‘заячий жир’, ‘гарь, запах горелого’, ‘запах горелой шкуры, полотна, сукна’ и пр., представленное в ЕСУМ как заимствование из румынского языка (ср. рум. *scrum* ‘пепел; гарь, нагар’) [8 (6, с. 425)], являет пример смешения в одной словарной статье двух гетерогенных лексем. Румынская этимология верна для обозначения гари, нагара, горелого запаха, тогда как *шкрум* ‘заячий жир’ – полонизм в украинском, ср. пол. *skrom* ‘жир, сало’, (в Варшавском словаре) *śkrom* ‘заячий жир’ из псл. **skormъ* [17, с. 17–18].

20. Диал. ю.-зап. *шобóртáти* ‘скрести; рыться, копаться, искать’, *шубóртати* ‘рыться, копаться, искать’. В ЕСУМ: «не совсем ясное; возможно, звукоподражательное образование» [8 (6, с. 450)]. Позднее

словообразование от **бортати* ‘рыть’, ‘долбить’ (ср. с другим тематическим гласным ю.-зап. *бортіти* ‘рыть’, ‘толкать’, ‘накидать’ [8 (1, с. 235)]) по регулярной в славянских диалектах модели с приставкой **še-* (укр. *ше-*, *шо-*, *шу-*), часто придающей дериватам экспрессивный оттенок.

21. Диал. ю.-зап. *яведрик* ‘черт’, *яведа* ‘домовой; подменыш; чудище, нелюдь’, *яведник* ‘черт’, *явида* ‘черт’ (только у С. И. Недильского) в ЕСУМ [8 (6, с. 531)] получили квалификацию «неясное; возможно, экспрессивное нерегулярное образование». Без сомнения, сюда же относятся закарп. (Иршавский р-н) *áведа* ‘очень злой, пакостный человек’, ‘какая-то нечистая сила’, прикарп. *яведа* ‘домовой, черт’, которые В. В. Нимчук сравнивал с серб., хорв. *авет* ‘призрак, привидение, дух’, опираясь на этимологию П. Скока, согласно которой *авет* происходит от основы **aviti* ‘явить’, **авь* + суфф. *-et-* [13, с. 103]. Предложенное сопоставление лексем, как и объясняющая их этимология, в целом убедительны, но требуют ответа вопрос о соотношении конечных *-m/-d* в суффиксальных морфемах в *áведа*, *яведа* ~ *авет* и, как следствие, вопрос о реконструкции их исконной формы. Для восточнославянских слов с основой *явед-/явид-/авед-* приемлем прототип **avēdъ* с формантом *-ēdъ*. Грамматически и фонетически эта этимология оправдана: 1) флексия *-а* оказывается поздней, обусловленной влиянием формы *людина*, [нечиста] *сила*; 2) рефлекс **ǣ > e* – известное явление в карпатоукраинских говорах; 3) звук *и* в *явида* появился из-за включения деэтимологизированного слова в словообразовательное гнездо *видіти* и осмысления его как *а-вида* аналогично *при-вид* ‘привидение, призрак’; 4) звук *р* в производном *яведрик*, видимо, представляет экспрессивную эпентезу.

Несколько сложнее выглядит ситуация с определением первоначального облика суффикса в серб., хорв. *авет*: дело в том, что

суфф. *-ēt-* в сербских и хорватских именах признается вторичной (за исключением нескольких форм) модификацией исторического *-edy/-jadь* (см. штудии Ю. С. Азарх и А. Вайяна; о них: [3, с. 181]), и такой вывод в значительной мере поддерживается устойчивой тенденцией к оглушению конечных звонких согласных в диалектной речи разных территорий Сербии и Хорватии. Учитывая это, в серб., хорв. *авет* допустимо предполагать все то же **авед < *avędь*.

22. Диал. полес. *јапа* 'нарост на дереве; полоса на коже животного от сильного удара батога' вместе с производными полес. *јапина* 'наросты на дереве', *јапка* 'нарост на дереве', *япинувати* 'покрытый наростами (о дереве)' в ЕСУМ [8 (6, с. 548)] по недоразумению отнесено к неясным образованиям. А между тем *јапа* ранее уже было удовлетворительно истолковано (О. Н. Трубачев) как рефлекс псл. **ёра* наряду с блр. диал. *јапа* 'грыжа у скота', *јапа* 'нарост на березе, ольхе, клёне и ясене', см. [25 (6, с. 49–50)].

23. Диал. мифол. *яритник* «Коли умре відьма або який-нибудь знахарь або *яритник*, і всякий про його зна, шо він чоловік опасний, то домовину забивають жилізними гвіздками і в добавок прибивають осиковим кілком. А як прибить кришку диривяними кілками, то знахарь або колдун буде о півночі виходить з могили і ходить по силу» [5, с. 414]. Эта запись обычая русских крестьян села Шебекина Белгородского уезда Курской губернии была сделана украинским собирателем славянского фольклора П. Тарасевским в начале прошлого века. Для характеристики лица, подозреваемого в знахарстве, колдовстве, он использовал украинское слово. И хотя нам неизвестны его семантика и прямые аналоги в украинской диалектной речи, все же контекст дает представление о том, кто подразумевается под *яритник*. Речь идет о синониме к *знахарь, колдун*, в одном ряду с которыми упоминается *яритник* (см. выше). Упомянутая лексема –

представитель словообразовательного типа на *-н-ик*, распространенного в диалектах у слов с мифологическим (и не только) значением (укр. *щезник* 'леший', гуц. *планетник* 'нечистая сила', 'черт' наряду с бессуфф. *пленета* 'то же', волын. *лахубётник* 'оборванец' и пр.), поэтому не составляет труда выделение производящей основы, т. е. *ярит-*. В целом имеем сохраненный в составе производной основы диалектный словообразовательный архаизм с суфф. *-ит-* **ярит-ит* – коррелят к хорошо известному *ворожб-ит* 'знахарь', 'колдун'. И как *ворожбит* 'знахарь', 'колдун' = 'творящий *ворожбу*' образовано от *ворожба*, так и **ярит* произведено от *яр* 'зло', 'гнев' = 'злотворец', 'причиняющий зло (*яр*)', 'наводящий порчу колдовством', ср. лат. *malefacio* 'злые чары', 'насилие', 'вред', *maleficum* 'колдовство', 'чары' ~ *maleficus* 'чародей, колдун', 'злодей, преступник'. Не исключена праславянская древность словообразовательной пары **jarь* > **jar-itь*.

Некоторые выводы. Содержание предложенных выше этимологических заметок побуждает к некоторым выводам, имеющим преимущественно конкретный характер. 1. Славянские диалектные слова (даже в объеме небольшой выборки из словаря разных идиомов) обнаруживают сумму архаичных черт морфологии, которые указывают на потенциально старый, возможно, даже праславянский, возраст таких единиц, как: *гергуль*, *острока*, *рама*, *чумина*, *яведа*, *явида*, *япа*, *яритник*. 2. Словарь говоров Нижнего Поднепровья удерживает несколько иранских лексем (*борона*, *кандаки*), предположительно, усвоенных предками современных восточных славян из аланской речи в период славяно-аланских контактов в этом регионе. 3. Сравнительный анализ дефиниций ЕСУМ, литературы по украинской ономастике на широком славянском фоне открывает ранее недооцененные перспективы для выделения старых изоглосс внутри восточнославянского ареала: укр. **витушка* ~ рус. диал. *витушка*; укр.

рамень ~ рус. диал. *рамень, раменье*; укр. *шкреток* ~ рус. диал. *шкрѣтка*; укр. *шкремітки* ~ рус. диал. *шкремѣтка*; *ошкреметок* ~ рус. диал. *оскремѣток*. Они указывают на древние терминологические связи между древнерусскими диалектами и отчасти на распространение древнерусской ремесленной и земледельческой лексики с исторических земель, относящихся к современной Украине.

4. Этимологическое истолкование нескольких лексем оказывается возможным при апелляции к фонетике и словообразовательным особенностям условных языков (арго), в недрах которых был сформирован письменно засвидетельствованный облик этих слов (*бригидімка, маратка*).

Литература:

1. Абаев, В. И. (1958–1989). *Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV*. Москва ; Ленинград, Изд-во АН СССР, Наука.
2. Бондалетов, В. Д. (1980). *Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство*. Рязань, Пензенская правда.
3. Варбот, Ж. Ж. (1984). *Праславянская морфонология, словообразование и этимология*. Москва, Наука.
4. Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, Вяч. Вс. (1984). *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I–II*. Тбилиси, Изд-во Тбилисского университета.
5. Гнатюк, В. (1912). Похоронні звичаї й обряди. *Етнографічний збірник. Т. XXXI–XXXII*. Львів, Друкарня наукового товариства ім. Шевченка, 131–424.
6. Горбач, О. (2006). *Арго в Україні*. Львів, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України.

7. Дзендзелівський, Й. О. (1958). Словник специфічної лексики говірок Нижнього Подністров'я. *Лексикографічний бюлетень*. Вип. 6. Київ, Вид-во АН УРСР.
8. *Етимологічний словник української мови*, 1982–2012 (за ред. О. С. Мельничука). Т. 1–6. Київ, Наукова думка.
9. Жеґуц, І., Піпаш, Ю. (2001). *Словник гуцульського говору в Закарпатті*. Мюнхен, Б. в.
10. Желеховский, Є. (1886). *Малоруско-німецький словар*. Том I (А–О). Львів, Друкарня тов. им. Шевченка.
11. Кривульченко, А. І. (2011). *Водні об'єкти Кіровоградської області*. Кіровоград, Імекс.
12. Куркина, Л. В. (2000). Еще раз к этимологии рус. *рамень*. *Этимология*. 1997–1999. Москва, Наука, 77–87.
13. Німчук, В. В. (1989). Актуальні проблеми вивчення українсько-південнослов'янських лексичних паралелей. *Науково-технічна революція і сучасні процеси розвитку лексики української народно-розмовної мови: Тези доповідей республіканської конференції (Ужгород, листопад 1989 р.)*. Ужгород, Б. в., 103–105.
14. Онишкевич, М. Й. (1984). *Словник бойківських говірок. Частина перша: А–Н*. Київ, Наукова думка.
15. Онищук, А. (1909). Матеріали до гуцульської демонології. Записані у Зелениці Надвірнянського повіту, 1907–1908. *Матеріали до української етнології*. Т. XI. Львів, Друк. Наук. Товариства ім. Шевченка, 1–139.
16. Ономастический архив Института украинского языка НАН Украины.
17. Петлева, И. П. (1976). Этимологические заметки по славянской лексике. IV (и.-е. *(s)ker-m- в славянских языках: *skormъ/a, *kroma, *kъrtъ/a, *kъrta, *xrotъ, русск. диал. кромы, коромышка). *Этимология*. 1974. Москва, Наука, 16–31.

18. Петлева, И. П. (1982). Этимологические заметки: рус. диал. *шкритка* – праслав. **(s)kriti*. *Общеславянский лингвистический атлас. 1980*. Москва, Наука, 288–289.
19. Расторгуева, В. С., Эдельман, Д. И. (2000–2015). *Этимологический словарь иранских языков. Т. 1–5*. Москва, Восточная литература.
20. *Словарь русских народных говоров, 1965–2016* (под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова). *Вып. 1–51*. Ленинград, Наука.
21. Срезневский, И. И. (1893). *Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I*. Санкт-Петербург, Типогр. Императорской АН.
22. Таказов, Ф. М. (2015). *Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь*. Владикавказ, Первая Образцовая типография.
23. Шульгач, В. П. (2008). *Нариси з праслов'янської антропонімії. Ч. I*. Київ, Довіра.
24. Шухевич, В. (1901). Гуцульщина. Друга часть. *Материяли до українсько-руської етнології. Т. IV*. Львів, Друк. Наук. Товариства ім. Шевченка, 145–318.
25. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд, 1974–2018* (под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева). *Вып. 1–41*. Москва, Наука.
26. *Этимологический словарь тюркских языков (1997). Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ»*. Москва, Наука.
27. Gharib, B. (1995). *Sogdian dictionary: Sogdian-Persian-English*. Tehran.

References:

1. Abaev, V. I. (1958–1989). *Istoriko-ëtimologicheskij slovar' osetinskogo âzyka* [Historic-Etymological Dictionary of Ossetian Language]. *Т. I–IV*. Moskva; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, Nauka [in Russian].

2. Bondaletov, V. D. (1980). *Uslovnnye âzyki russkikh remeslennikov i tovgovtsev. Slovooproizvodstvo* [Argot of Russian craftsmen and merchants. Word formation]. R'azan', Penzenskaya pravda [in Russian].
3. Varbot, J. J. (1984). *Praslavianskaâ morfonologiâ, slovoobrazovaniê i ètimologiâ* [Proto Slavic Morphonology, Derivation and Etymology]. Moskva, Nauka [in Russian].
4. Gamkrelidze, Th. V., Ivanov, V. V. (1984). *Indoevropeyskiy âzyk i indoevropeytsi. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz praâzyka i protokul'tury* [Indo-European and the Indo-Europeans. A Reconstruction and Historical Typological Analysis of a Protolanguage and A Proto-Culture]. *Part I–II*. Tbilisi, Publishing House of the Tbilisi State University [in Russian].
5. Hnat'uk, V. (1912). *Pokhoronni zvychayi i obr'ady* [Funeral customs and ceremonies]. *Ethnografichny zbirnyk* [Ethnographical compilation]. *T. XXXI–XXXII*. L'viv, Drukarn'a naukovohto tovarystva im. Shevchenka, 131–424 [in Ukrainian].
6. Horbach, O. (2006). *Argo v Ukrayini* [Argot in Ukraine]. L'viv, Institut ukrayinoznavstva im. I. Kryp'yakevicha NAN Ukrayiny [in Ukrainian].
7. Dzendzelivs'ky, Y. O. (1958). Словник специфічної лексики говірок Нижнього Подністров'я [The Dictionary of Peculiar Lexics of Low Dniester Dialects]. *Lexikohraphichny b'uleten'* [Lexicographic bulletin]. *Vol. 6*. Kyiv, AN URSSR [in Ukrainian].
8. *Etymolohichny slovnyk ukrayins'koyi movy, 1982–2012* (za red. O. S. Mel'nychuka) [An Etymological Dictionary Of The Ukrainian Language]. *T. 1–6*. Kiyiv, Naukova dumka [in Ukrainian].
9. Zheguts, I., Pipash, Ô. (2001). *Slovnyk hutsul's'koho hovoru v Zakarpatti* [A Dictionary of a Huzul Dialect in Transcarpathia]. München, B. v. [in Ukrainian].

10. *Želechowski, E.* (1886). *Malorusko-nimetskiy slovar* [Ruthenisch-deutsches Wörterbuch]. *Band I*. Lemberg, Druckerei des Szewczenko-Vereilles [in Ukrainian].
11. Krivul'chenko, A. I. (2011). *Vodni obékty Kirovohrads'koyi oblasti* [Water Bodies of Kirovograd Region]. Kirovograd, Imeks [in Ukrainian].
12. Kurkina, L. V. (2000). *Èshche raz k ètimologii rus. раменье* [Again to the Etymology of Rus. раменье]. *Ètimologia* [Etymology]. 1997–1999. Moskva, Nauka, 77–87 [in Russian].
13. Nimchuk, V. V. (1989). *Aktual'ni problemy vyvchenn'a ukrayins'ko-pivdenenoslov'âns'kykh leksychnykh paraleley* [Issues of Ukrainian and South Slavic Lexical Parallels Study]. *Naukovo-tekhnichna revol'utsia i suchasni protsesy rozvitku leksiki ukrayins'koyi narodno-rozmovnoyi movy* [The Scientific-Technological Revolution and Modern Processes of Ukrainian Folk-Spoken Lexics Development]. Uzhgorod, Б. в., 103–105 [in Ukrainian].
14. Onyshkevych, M. Y. (1984). *Slovnyk boykivs'kykh hovirok. Chastyna persha: A–H* [The Dictionary of Boyki's Dialects]. Kiyiv, Naukova dumka [in Ukrainian].
15. Onyshchuk, A. (1909). *Materialy do hutsul's'koyi demonolohiyi* [Contributions to Huzul Demonology]. *Materialy do ukrayins'koyi ethnologiyi* [Contributions to Ukrainian Ethnology]. *T. XI*. L'viv, Drukarn'a naukovoho tovarystva im. Shevchenka, 1–139 [in Ukrainian].
16. *Onomasticheskiy arkhiv Instituta ukrainskogo âzyka NAN Ukrainy* [Onomastic Archive of NASU Institute of Ukrainian Language]. Kiev.
17. Petleva, I. P. (1976). *Ètimologicheskie zametki po slav'anskoy leksike* [Etymological Notes on Slavic Lexics]. *IV. Ètimologiâ* [Etymology]. 1974. Moskva, Nauka, 16–31 [in Russian].

18. Petleva, I. P. (1982). *Ètimologicheskie zametki* [Etymological Notes]. *Obshcheslav'anskiy lingvisticheskiy atlas* [The Slavic Linguistic Atlas]. 1980. Moskva, Nauka, 288–289 [in Russian].
19. Rastorgueva, V. S., Èdel'man, J. I. (2000–2015). *Ètimologicheskiy slovar' iranskikh âzykov* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. T. I–V. Moskva, Vostochnaâ literatura [in Russian].
20. *Slovar' russkikh narodnykh govorov, 1965–2018 (pod red. F. P. Filina i F. P. Sorokoletova)* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vyp. 1–51. Leningrad, Nauka [in Russian].
21. Sreznevskiy, I. I. (1912). *Materialy dl'a Slovar'a drevnerusskogo âzyka* [Contributions for the Dictionary of Old Russian Language]. T. III. Sanct-Peterburg, Tipogr. Imperatorskoy AN [in Russian].
22. Takazov, F. M. (2015). *Digorsko-russkiy slovar'. Russko-digorskiy slovar'* [Digor-Russian Dictionary. Russian-Digor Dictionary]. Vladikavkaz, Pervaâ obraztsovaâ tipografia [in Russian, Ossetian].
23. Shul'hach, V. P. (2008). *Narysy z praslov'âns'koyi anthroponimiyi* [Essays on Proto-Slavic Anthroponymy]. Ch. I. Kyiv, Dovira [in Ukrainian].
24. Shukhevych, V. (1901). *Hutsul'shchyna* [Huzulschyna]. *Materialy do ukrayins'koyi ethnolohiyi* [Contributions to Ukrainian Ethnology]. T. IV. L'viv, Drukarn'a naukovooho tovarystva im. Shevchenka, 145–318 [in Ukrainian].
25. *Ètimologicheskiy slovar' slav'anskikh âzykov: Praslavianskiy leksicheskiy fond, 1974–2018 (pod red. O. N. Trubacheva i A. F. Zhuravleva)* [An Etymological Dictionary of the Slavonic Languages: Proto-Slavonic lexical stratum]. Vyp. 1–41. Moskva, Nauka [in Russian].
26. *Ètimologicheskiy slovar' t'urkskikh yazykov (1997). Obshchet'urkskiê i mezht'urkskiê osnovy na bukvy «K», «K̇»*. [Etymological Dictionary of Turkic Languages]. Moskva, Nauka [in Russian].
27. Gharib, B. (1995). *Sogdian dictionary: Sogdian-Persian-English*. Tehran.

Paradigm of Knowledge № 5(43), 2020

Citation: A.I. Iliadi (2020). MISCELLANEA ETYMOLOGICA: SLAVICA. III. Frankfurt. TK Meganom LLC. Paradigm of knowlege. 5(43). doi: 10.26886/2520-7474.5(43)2020.8

Copyright: A.I. Iliadi ©. 2020. This is an openaccess article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (CC BY). The use, distribution or reproduction in other forums is permitted, provided the original author(s) or licensor are credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice. No use, distribution or reproduction is permitted which does not comply with these terms.